

Сяо Цзян был крайне недоволен и сам не мог понять причину такого раздражения. Ведь депутат действительно не назвал Бань Цзюня по имени, к тому же он и раньше отправлял людей для укрепления связей. Это было похоже на то, как Вэнь Юн отправил Бань Цзюня к нему — подчинённые порой были всего лишь подарками.

Ранее он отправлял мелких знаменитостей нескольким чиновникам, дарил телохранителей Юй Чэ, передавал поваров и горничных некоторым богатым дамам и даже отдавал массажистов. Это была общепринятая практика, и даже любовники могли переходить из рук в руки.

Но когда депутат Гуан так небрежно обронил эту фразу, в Сяо Цзяне вспыхнула ни с чем не сообразная ярость. Разве тот не знал о его отношениях с управляющим? Все знали, даже Юй Чэ, что был далеко в Гуансэне, знал. Что это вообще за просьба?

Ответ Бань Цзюня не только не успокоил его, но, подобно вызову, вызвал ещё большее раздражение. Бань Цзюнь закрыл дверь и спросил в ответ:

— Значит, тебе нужно, чтобы я перешёл к нему?

Сяо Цзян абсолютно не ожидал, что Бань Цзюнь может сказать такое, и даже растерялся, как отвечать. Лишь притворно вопросительным тоном он произнёс:

— Ну... ты согласен пойти к нему?

— Какая разница, согласен я или нет, — ответил Бань Цзюнь. — Когда Вэнь Юн отправлял меня к тебе, он тоже не спрашивал моего мнения.

Сяо Цзян почувствовал лёгкое разочарование, но в следующее же мгновение спросил себя, какой ответ он хотел бы услышать.

Разумеется, он не мог придумать. Поэтому он лишь подтвердил, что Бань Цзюнь будет подчиняться распоряжениям, как и прежде, добросовестно исполняя обязанности по его защите.

Бань Цзюнь всё же поинтересовался, есть ли ещё работа. Получив отрицательный ответ, он развернулся, чтобы уйти, но Сяо Цзян быстро окликнул его.

— Куда ты?

— Возвращаюсь в Южную общину, где живу, — ответил Бань Цзюнь. — Сейчас не моё дежурство, есть другие охранники.

Сяо Цзяна мало волновало, чья сейчас смена. Он просто не мог понять, почему Бань Цзюнь

использует это как предлог для ухода. В тот момент ему даже пришло в голову — не потерял ли Бань Цзюнь интерес после нескольких раз, ведь даже в юности у него не было такого тела и внешности, как у молодых парней.

— Ты можешь остаться, — всё же попытался Сяо Цзян.

— Нет, — твёрдо ответил Бань Цзюнь. — Я ранил того человека в Северном районе, так что в любом случае мне нужно вернуться и поговорить с Лысым. Заодно разузнаю новости и настроения, чтобы обеспечить безопасность строительной команде, которую назначит депутат.

Сяо Цзян не мог возразить. Он лишь подумал и добавил:

— Можешь сменить жильё. То, что тебе устроил Старина Су, слишком уж простое. Если денег не хватит — скажи.

— Всё в порядке, мне и там хорошо, — улыбнулся Бань Цзюнь в знак благодарности.

Сяо Цзян платил щедро — в два раза больше, чем Вэнь Юн, не говоря уже о том, что периодически подбрасывал Бань Цзюню свёртки с деньгами. Неудивительно, что все говорили: раньше у Старины Су было всё, что он пожелает.

Но Бань Цзюню было нужно не это.

Каждый раз после того, как они занимались сексом, он ощущал, будто Сяо Цзян отдаляется. Это не было тем чувством обладания и близости, что возникает, когда твой член проникает в тело другого. Это было чувство, будто подлинные эмоции Сяо Цзяна полностью скрыты, и Бань Цзюнь не мог их разглядеть.

Он чувствовал, что Сяо Цзян не хочет, чтобы он шёл к депутату, но не понимал — то ли потому, что не желает его отпускать, то ли потому, что не нашёл замены. Другими словами, если бы не Бань Цзюнь, он, возможно, не решился бы так легко устранить Старину Су.

Но Бань Цзюнь не мог сопротивляться притяжению Сяо Цзяна — будь то слияние его образа с образом братца-солдата в памяти, его собственная статная внешность и совместимость их тел, или просто то, что Сяо Цзян сам по себе был достаточно ярким, чтобы притягивать взгляд, даже если он и не был тем самым человеком из прошлого Бань Цзюня.

К тому же... Бань Цзюнь вздохнул, одной рукой держа руль, а другой доставая сигарету из пачки, закуривая и выпуская дым в открытое окно... Бань Цзюню было так нелегко добраться до него.

Выйдя из машины, Бань Цзюнь направился не домой, а напрямиком в заведение Волчонка.

Как и ожидалось, Волчонок был на месте. Атмосфера в танцзале только начинала накаляться, тела ещё не прилипали друг к другу вплотную, поэтому Бань Цзюнь смог пройти сквозь толпу и кивнуть Волчонку издали.

Тот понял, что-то сказал своим людям и повёл Бань Цзюня в сервисную комнату.

Выпивать в этой комнате всегда было слегка неловко — слишком уж бросался в глаза огромный шест для танцев и разбросанные вокруг игрушки для взрослых. Да и свет был слишком приглушённым, даже если включить все лампы.

Но телосложение Волчонка не вызывало у Бань Цзюня никаких непристойных фантазий, даже наоборот — помогало сохранять душевное спокойствие.

— Метко стреляешь, — Волчонок приглушил музыку за дверью и вкатил внутрь ящик с вином.

Бань Цзюнь наклонился, достал бутылки на стол и открыл несколько зубами.

— Если ты ещё раз повторишь эту фразу, мы с тобой навеки рассоримся.

Однако, выслушав свежие сплетни про Лысого, Бань Цзюнь передумал ссориться.

В конце концов, хороших новостей в его жизни было не так уж много, и он мог полагаться лишь на Лысого как на источник обновлений.

— Как он вообще умудрился это выпить? — Плохо было то, что Бань Цзюнь ко всему относился слишком серьёзно. Он даже заикнулся на этой несущественной детали.

Но Лысый не видел проблемы:

— Откуда мне знать? Тогда Чжань Чэнь принёс это Цзы Яню, пока врач делал перевязку. Может, взял, прогуливаясь мимо.

— Ты сделал это нарочно, — заявил Бань Цзюнь.

— Я не нарочно, — Лысый хлопнул себя по мохнатой груди, заверяя.

— Ты точно нарочно, чёрт возьми... Бессовестный ты тип, купил секретную технику, — Бань Цзюнь еле сдержал смех, чтобы не поперхнуться вином «Огненный конь».

Лысый сказал:

— Ну ты даёшь, как же ты можешь... что там гребёшь?

Бань Цзюнь спросил:

— Что гребу? Грести без вёсел, только на волнах?

— Нет.

— В брюхе у министра корабль помещается?

— Тоже нет.

— Что ж, мой уровень образования... — О, он понял, хлопнув себя по бедру. — Судишь о других по себе!

— Верно, — сказал Лысый.

— Да какое это имеет отношение к гребле?! — воскликнул Бань Цзюнь. — Твои ассоциации слишком вольные! Ты, что, китайский у учителя физкультуры изучал, который тебя на круги гонял?

Лысый сказал:

— Старина Су... Не смотри, что он такой правильный. Слушай... — Он хлопнул Бань Цзюня по плечу, и тот оттолкнул его жирное тело. — Ох, ты не представляешь, Сяо Цзян редко к нему прикасается, это чувство просто... — Лысый снова хлопнул Бань Цзюня. — Ты не поймёшь, чёрт возьми, ты ничего не понимаешь, хе-хе, не поймёшь.

Бань Цзюнь понял, почему Старина Су так сопротивлялся запираению с этим типом.

— А кто такой Чжань Чэнь? — Хорошо, Бань Цзюнь вернулся к делу. — Что, у него есть связь с Цзы Янем?

Волчонок сказал:

— Чжань Чэнь... как бы сказать... Дела, которые он творил, я тебе уже рассказывал. Не любит говорить, репутация плохая. И ещё кое-что, о чём посторонние не знают, но мы в курсе.

Бань Цзюнь поспешил спросить:

— Раньше ты что-то умалчивал, не договаривал.

Лысый сказал:

— Он убил собственного дядю.

Чжань Чэнь и двое младших были родными братом и сестрой, но родители о них не заботились.

Когда его дядя только прибыл в Усяо, те нашли предлог сбагрить детей брату. Мол, в Усяо условия лучше, жить будут хорошо.

Поначалу дядя тоже к ним хорошо относился, была ещё и тётя, которая присматривала. Потом дядя полез в звериную клетку драться за деньги, ему ногу сломали, тётя с другим сбежала, и он сдался.

Бои в звериной клетке — это либо борьба за звание главаря, либо отчаянная ставка вырваться из нищеты. Видно, тогда совсем бедно было, троих детей не прокормить, думал, вот выиграет — и заживут. А получилось — семья распалась.

Вот дядя и стал срывать зло на детях, хотел отправить их обратно в Страну Волков, но там их родных и след простыл — видно, как только детей сплывили, сами сбежали.

Короче, история у них запутанная, я не во всех деталях разбираюсь. Знаю только, что мужик этих мелких часто бил, выпьет — и за дело, побьёт — и снова пьёт. Чжань Чэнь был старшим, его не трогали, он младших защищал. Но как только он на работу уходил — брат с сестрой без защиты оставались.

Видно, терпение лопнуло. Я тогда даже не за охрану отвечал, это другой охранник тело нашёл. Заколото десятки раз было, будто и не важно, кто это сделал, — выбросили возле мусорных баков в Северной общине.

Сколько ему тогда было... лет двадцать с небольшим, наверное.

<http://bllate.org/book/15264/1347084>